

В статье идет речь о «природе» развития, парадигма которого, в отличие от роста, нелинейная. Однако преобладающей проекцией идей развития (развертывания), в т. ч. и проекций на карту, до сих пор выступает линия в тех или иных ее прорисовках. Мышление линиями небезобидно: оно способно редуцировать значимое содержание идей развития; на уровне планов (которые всегда линейны) оно способно переводить интенцию развития в последовательность выхолощенных действий. Подчеркивается особый тип пространственного сознания и дискурса, порождением которого становятся идеи «линейных городов», масштабных линейных проектов (Новый шелковый путь и др.); говорится о возможностях и условиях иной концептуализации таких идей.

Ключевые слова: развитие; нелинейность; линия; будущее; современность; simultанное и сукцессивное в архитектуре; схемы проектирования.

The article deals with the “nature” of development, the paradigm of which, unlike the growth, is non-linear. However, the predominant projection of ideas of development (expansion), including projections on a map, is still the line in its various drawings. Thinking in lines is not harmless: it can reduce a significant content of development ideas; at the level of plans (which are always linear), it can transfer the intension of development into a sequence of emasculated actions. The article emphasizes a special type of spatial consciousness and discourse, which generates the ideas of “linear cities”, large-scale linear projects (New Silk Road, etc.). It talks about the possibilities and conditions of a different conceptualization of such ideas.

Keywords: development; nonlinearity; line; future; modernity; simultaneous and successive in architecture; design schemes.

Нелинейность развития и ее линейные проекции / The nonlinearity of development and its linear projections

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Существует ли развитие?

Развитие, являясь, пожалуй, наиболее распространенным словом в текстах самой различной направленности, до сих пор представляет собою весьма непростую проблему. Не раз и не два приходилось слышать от авторитетных авторов, в том числе занятых вопросам градостроительства, планировки и, вроде бы, вопросам развития поселений, что они... не знают, что такое «развитие», не способны брать на себя ответственность за эту категорию и не способны обеспечивать развитие, что бы под этим словом ни подразумевалось. Одно дело планировка или зонирование, совсем другое – эффекты этого якобы рационального и «прозрачного» по смыслу занятия под названием «развитие», его социальный или культурный результат (или отсутствие такового).

Развитие и в самом деле непросто. Оно непросто даже для методологической парадигмы. Георгий Петрович Щедровицкий не устал указывать на ускользающую предметность развития, то есть на неопределимость его предмета. Представьте ряд фотографий одного человека на протяжении его жизни, – говорил он. Что иллюстрируется этим рядом? Развитие человека? Вряд ли; скорее, его старение и умирание. Совершенствование фотографической техники за годы жизни этого человека? Это более похоже на правду, но что при этом делать с возрастными изменениями самого человека, представленного на снимках? Похоже, развитие... беспредметно.

В самом деле: развитие всякий раз предполагает выбор шкал отсчета, предполагает субъективность. Какую бы из возможных шкал, систем отсчета мы ни выбрали, она окажется частичной, аспектной в отношении реального целостного процесса генетических или иных изменений. Однако результаты выбора всякий раз норовят расположиться в строгой линейной последовательности – не столько сообразно природе вещей, сколько в соответствии с привычной логикой человеческого восприятия и принятых способов описания каких бы то ни было процессов.

Не все способно к развитию. Классический пример: куча мусора не развивается, она лишь растет. Рост – свойство многих тел и вещей – далеко не всегда синонимичен развитию: все же развитие – не наращивание

количества, не «то же самое, но несколько больше».

Развитие – это качественный переход в иное, высшее состояние. Развивается только живое. Но и развитие организмов – процесс двусмысленный и амбивалентный. Так, парадигма города как организма уперлась именно в эту двусмысленность: стоит ли признавать развитием территориальное разрастание города?

К развитию, несомненно, способны мышление и деятельность. Но как происходит их развитие и насколько этот процесс (если развитие вообще можно описать как одномерный процесс) имеет внятные пространственные, планировочные, морфологические измерения? Ведь если развитие – не рост, т. е. если оно несводимо к изменениям одного параметра, то разветвляется в нескольких параметрах одновременно, и, вероятно, эти параметры не объединены некоей одной системой измерения. Скорее всего, они открыты, их ряд не предзадан, лабилен, задается... самим развитием. Развитие – самоопределяющийся процесс, и в этом смысле его следы на контексте, на внешних измерительных шкалах случайны и прихотливы. Судить по ним о самом процессе – занятие не более надежное, чем судить о нетленных зидоках по неверным теням на стенах пещеры из седьмой книги Платонова «Государства».

Предметные проекции беспредметного

Тот факт, что сложные и многомерные движения мысли опознаются (т. е. фиксируются с минимальными затратами рефлексии и критицизма) в качестве чего угодно более простого по генезису, смыслу и форме, – этот факт известен давно [1; 2]. Индивидуальное и коллективное человеческое сознание (не мышление!) склонно, увы, к редукциям всякого рода: так бережет оно себя от превратностей мира. Что такое сознание, если в нем нет встроженных механизмов сведения сложного к простому, комплексного к композитному, полифонического к монотонному, гетерогенного к гомогенному? Такое сознание не смогло бы выжить в тяжелой эволюции человечества. Но мышление уже с античности, с Сократа опознанное как «самоубийственная» стратегия, склонно, напротив, к инверсии сказанного, к обратной развертке тенденции всякой редукции: оно стремится к обратному – к прорыву

^ Рис. 1. Иокогама, Япония. Терминал морского порта. Группа «FOA», 2002

надежной конвенции, к беспокойству и вызову. Эти эксцессы мышления справедливо квалифицируются как дело крайне рискованное, как смертельно опасное «движение головой», как вообще мало кому нужные «танцы лошадей» [3] – все это хорошо известно. Но что с этим делать, что это означает в топологии обсуждаемого нами?

Всякая редукция сложного к простому суть сведение многомерного и противоречивого развития к проекции на плоскость оценок и подсчетов, что в топологическом измерении всякий раз означает... сведение пространства к линии (рис. 2). И линия эта не длится бесконечно и непрерывно, как могла бы длиться последовательность редуцированной вечности или как могла бы выглядеть объяснимая человеческая беспомощность пред ликом самой нередуцируемой Вечности. Напротив: здесь мы имеем дело с линейкой самого примитивного класса: с последовательностью «от А до Б», то есть с дурной процессуальностью движения, понятого как перемещение по одномерной линии. Иными словами, у идеи линейности не получается взять на себя полноту описания или «снятия» живых и полномерных событий. Так, в феноменологии профессионального архитектурного восприятия со времен работ Кевина Линча становится очевидно неустранимое «ускользание» чего-то иного, не вмещающегося в рамки морфологии подконтрольно протекающих линейных процессов.

Линия – наезженная колея

Отчего сказанное выше нельзя счесть пустым трепом, лишённым нового содержания, значимого для задач развития регионов? Все просто: от концептов, в т. ч. концептов развития или движения, непосредственно, прямо, грубо зависит и принимаемая нами стратегия движения/развития. Зависит не так, как от параметров двигателя зависит скорость «изделия», но не менее непреложным образом: регионы ведь не суть локусы на карте, они – фигуры самоопределения и самоорганизации мест, открывшихся своему индивидуальному содержанию. И когда такое открытие не случается, территории постигает беда: они встраиваются в линии внешней, чуждой, вмененной им идентичности. В отличие от полифонии развития, линия вмененного существования монотонна и поступатель-

на, хорошо описывается в планах и «дорожных картах», поскольку она есть продукт человеческих деяний (а не многих и сложных сил, отвечающих за развитие); и деяния эти имеют, как правило, вполне ясные, обозримые и «злонамеренные» цели. Проводимая в эти дни спецоперация в сопредельной стране – прекрасное подтверждение актуальности обсуждаемой проблематики. Ведь регионы открываются своему подлинному содержанию лишь посредством большой работы, путем гигантских затрат мышления, понимания и рефлексии. И работа эта, если она своевременно проведена, поддается вовсе не линейно-процессуальному описанию, а лишь тому, которое ставит во главу угла подлинное развитие, то есть интенсификацию того, что только и способно к развитию: мышления и деятельности. Но, если она проведена не была, если была заменена на линейную логику вменения идентичности, то остается лишь жесткая линия принуждения к мышлению и рефлексии.

Принять изложенный тезис непросто. Принятие его означает, в частности, отмену буквально всего состава представлений (так и не доведенных до категориальной полноты, что показательно) т. н. региональной планировки или «регионального планирования», в которых не было и нет ничего от жизненных соков самих регионов или мест. Происхождение таких представлений не составляет загадки: оно есть плоть от плоти просвещенческого оптимизма, модернистского энтузиазма и рожденного ими отчаянного революционного задора. Насилие и воля – основные категории практики именная дел с местами в этой идеологии. Соки из мест выжимались, конечно, в т. ч. пресловутыми «комиссарами в пыльных шлемах», прибывавшими по командировке на территорию с одним лишь маузером и предписанием возвести завод посреди поля к заданному сроку, иначе их ждет революционный трибунал. Когда же суровая романтика чуть ослабила хватку, формируется бюрократический аппарат – аппарат все той же практики. Происходит нормирование территориального размещения производств, формируется схема «территориально-производственных комплексов» (ТПК), институт так называемого «типового проектирования» и прочие инструменты, средства и операциональные образы волюнтаризма, продолжающего

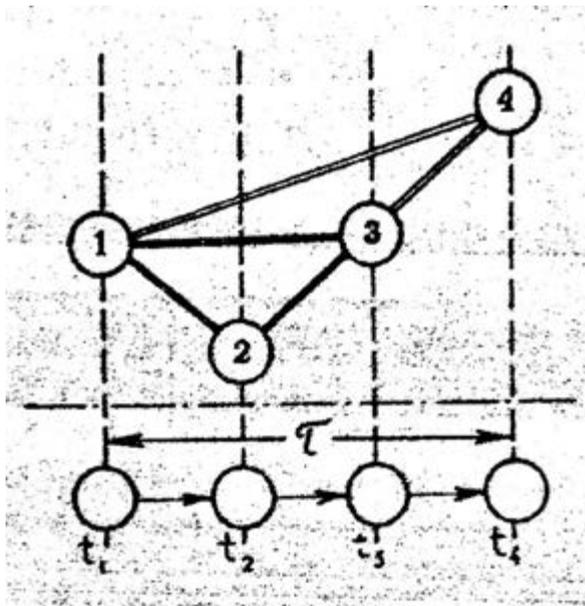

^ Рис. 3. Оклахома-Сити. Театр Маммерс (Mummer's Heater Stage Center). Архитектор Дж. Йохансен, 1970

^ Рис. 4. Варвара Степанова. «Будущее – единственная наша цель!». Плакат, 1920-е

> Рис. 2. Пример редукции целостного объекта к его процессуальному описанию. То, что в объекте связано многими различными по характеру и времени действия силами, в линейном изображении выглядит простой последовательностью равномерных элементов. «Сравнение этих двух изображений [верхней и нижней части рисунка, разделенных штрихпунктирной линией – ПК] помогает понять, почему на основе категории «процесс» никогда не удалось объяснить, каким образом человек действует, как он использует свои прошлые продукты в качестве средств новой деятельности, как он объединяет в одной актуальной структуре «прошлое», «настоящее» и «будущее», – писал Г. П. Щедровицкий в комментарии к этой схеме [23, с. 83]. Перед нами – одно из первых описаний «складки» задолго до ее хрестоматийного изложения в 1988 г. Жилем Делезом

рассматривать территории в качестве инертного материала, послушно приемлющего всякую, предписанную «свыше», из Центра, форму и функцию [4].

Логика действий по предписанию, логика «размещения», или аристотелевского «наложения формы на материал», есть логика последовательных операций; она линейна. Она не меняется при усложнении своих «объектов» или в связи с увеличением их масштаба [5; 6], поскольку неспособна работать с объектами вообще. Она есть логика торжествующей субъектности; правда, децентрализованной и распределенной по серой массе исполнителей (что лишает ответственности и повышает административный восторг). В то время, как нелинейно организованное развитие есть результат (или, скорее, эффект) длительного воздействия многих субъектов, их синергии, резонансов многих интенций и чаяний места – региона, города, поселения. Потому он и нелинейен, что не укладывается в одну-единственную последовательность дискретных действий, отчего о развитии часто

говорят как о «прорастании» или «выращивании» нового качества из «зерен» существующего, из «Genius loci», из памяти об утратах, наконец – из виртуального измерения, присущего всякому месту и воплощенному в «архиве» идей, проектов, грез, мечтаний, планов и решений по его изменению, накопившихся за всю его историю [7].

Миф об управлении развитием

Итак, ни понять, ни тем более управлять развитием исходя из его линейных процессуальных проекций нельзя. Насколько развитием вообще можно управлять – вопрос до сих пор открытый. На поверку мы всякий раз управляем лишь тем или иным аспектом, предметной идеализацией или частью системы. То же самое происходит (по крайней мере, тенденция пока именно такова) в относительно новых, еще не вполне оформившихся областях разработки альтернативных практик – в «пространственном развитии», в «территориальном развитии» или даже «управлении территориальным развитием». Последнее иногда (и все чаще) именуют «развитием территорий», будто бы развиваться должны (или вообще способны) территории или пространство. Подмена понятий неслучайна: развитие плохо локализуется, оно осуществляется на каком-то «птичьем», как говорил М. Мамардашвили, материале – на людях, мышлении, деятельности... Как все это ухватить в воображении и в изображении, не очень понятно. А территория прекрасно изображается на картах, она без труда представима (хотя и всякий раз в определенном аспекте). Поэтому такие документы, как карта, план (а также и «дорожная карта», план как алгоритм действий) обычно замещают собою любые попытки «схватить» само развитие [8]. Но исполнительные документы не отвечают на вопрос, зачем надо что-либо сделать, а только на вопросы как, где, в каком порядке. Они не обеспечивают концептуальный замысел, они линейны: исходят из сферы уже принятых решений. Беда в том, что концептуальный замысел не обеспечивает ничего, если указанные типы форм представимости приобретают монополию в воображении, если лишь на них опирается воля, принимающая решения. Ничем инструментально не обеспеченный замысел неизбежно попадает «на рельсы» привычных бюрократических штампов,

^ Рис. 5. Людвиг Гильберсаймер. Город небоскребов (Hochhausstadt), 1927. Ранний модернизм был заморожен зрелищем перспективных далей, видел в них едва ли не магические инструменты приближения будущего

^ Рис. 6. Ле Корбюзье. Перспектива Лучезарного города (La Ville Radieuse), 1930

сводится к очередной инкарнации «программ расселения», «размещения производственных мощностей» и соответствующего им административного восторга.

Порочная валоризация средств

Пожалуй, еще более безнадежной становится ситуация, когда сами линейные модели берутся за источник вдохновения. Это весьма распространенная тенденция – валоризация средств, то есть ситуация, когда средства деятельности из принципиально сменяемых и подсобных начинают рассматриваться как ценности – эстетические, моральные, эпистемологические. Тогда происходит вторичное замещение, вторичная редукция: модель, неадекватно отображающая реальность, становится орудием преобразования реальности, образцом, по которой [новую] реальность теперь следует выстраивать. Так постоянно происходит в науке, точнее в связке естественнонаучных моделей и инженерного умения, призванного «возвращать» реальности в препарированном виде то, что было у нее заимствовано моделями. Наука изобретает свои предметные идеализации, а инженерия... осуществляет их, вводя их в жизнь, тем самым изменяя ее; изменяя не ценностным образом (как это происходит в полноценном архитектурном проектировании) и даже не целевым, но... «явочным порядком». Так порождаются сущности, не имеющие онтологических корней, ложные сущности или, по Платону, «эйдолоны». Поль Фейерабенд назвал союз науки и технического рационализма «порочным альянсом», имея ввиду то тревожное состояние «научно-технического прогресса», к которому во второй половине XX века привела логика известного суждения Г. Гегеля: «Если факты противоречат моей теории – тем хуже для фактов» [9].

Энтузиазм имитаций и труд прорыва к реальности

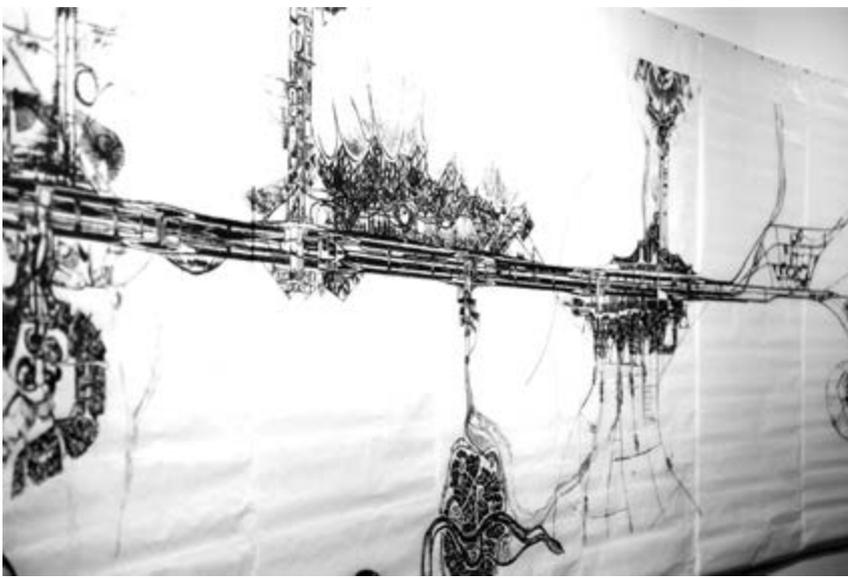
Но если в науке и инженерии порождение ложных сущностей, артифицирующих мир, стало почти нормой, с которой человечество как-то учится справляться, то приход той же логики замещений в архитектуру может оказаться катастрофическим: ведь архитектура и есть одна из важнейших сил, при помощи которых можно сопротивляться ложному обыскуствлению мира. Чтобы оставаться такой силой и сохранять надежду, архитектуре нужно всего

лишь держаться в круге своих традиционных источников формообразования. И уж точно не стоит архитектуре заходить на упомянутый второй виток замещения: не стоит культивировать средства своего «технического» отправления, тем более что они, как видно, несовершенны, случайны по происхождению, заимствованы из иных интеллектуальных областей и традиций.

Таково, например, культивирование структурно-функциональных схем – довольно примитивного средства описания устройства зданий в заимствованном из менеджеральных наук языке блок-схем: в функционализме оно достигло «вершин», исчерпав все мыслимые смыслы. Осталось лишь обратить графику блок-схем на само здание, что и было исполнено со всем натуралистическим блеском (рис. 3) (Примечание). В истории архитектурных моделей после модернистской профессионализации подобные «чудеса» нередки [10]. К их числу приходится отнести и увлечения образом линии как метафорой развития.

Линия, особенно «энергичная», со стрелкой на конце, хороша как изобразительная метафора всякого перемещения – от военных атак до функциональных процессов. Беда в том, что развитие – это не перемещение в пространстве; согласно Платону, развитию гораздо ближе другой вид движения – изменение, внутренняя трансформация. А ее уже не изобразить стрелками или потоками.

То, что линия не способна обеспечить развитие и даже изобразить его, мы выяснили выше, и для этого нам потребовался критический анализ. Но часто ли архитекторы, проектировщики склонны к критицизму? Скорее, им свойственен энтузиазм и «творческий порыв», а в таком деле яркие метафоры гораздо ценнее горьких откровений. Линия и стала надолго излюбленной метафорой движения вперед, вдаль, к будущему... Архитектурные проекты 1920–1930 гг. наполняются шагающими массами трудящихся, динамика этих масс приобретает качества архитектурной морфологии. «Будущее – единственная наша цель!», – пафосно утверждает плакат Варвары Степановой, на котором изображена центральная перспектива дороги, вписанная в круг, что делает плакат подобием дорожного знака.

^ Рис. 7. Милан, Триеннале. Группа НЭР. Русло расселения, 1968
«Было темное прошлое, было славное революционное прошлое, настоящего практически не было, и было светлое будущее. Настоящего как темы не было», – говорит Александр Скокан в фильме о НЭР [24]

В этот довольно унылый, но все еще тревожащий не-окрепшую фантазию ряд линейных редукций приходится поставить и все линейные модели, такие как проекты линейных городов, шелковые пути и прочие продукты извняемого (ресурсов, мощностей, потребностей) или неизвняемого (воображения, знаний, понимания) дефицита. Иную концептуализацию содержания, стоящего за этими идеями, можно увидеть в отвлечении от географической или геометрической линейности, в ненатуралистической интерпретации Пути. Так это происходит в идее Евразийского пути, в идее региона (в отличие от экономгеографического района [11]), уже не говоря о Пути в парадигме Дао. Линия, фигура с одним измерением обязана, наконец, уступить место более живым и реалистичным, плодотворным и многомерным концептам [12].

«Будущее» – финальная точка на линии?

Концепт Будущего составляет предмет еще предстоящих нам открытий и разоблачений. Можно с высокой степенью уверенности предполагать, что так называемое «Будущее» – наиболее циничный самообман, в который удалось ввергнуть человечество. Происхождение этого концепта достаточно недавнее: еще Ренессанс не знал никакого «Будущего»: он знал прошлое, которое всегда с нами, которое стоит восстанавливать и включать в исторические перспективы и урбанистические вехи.

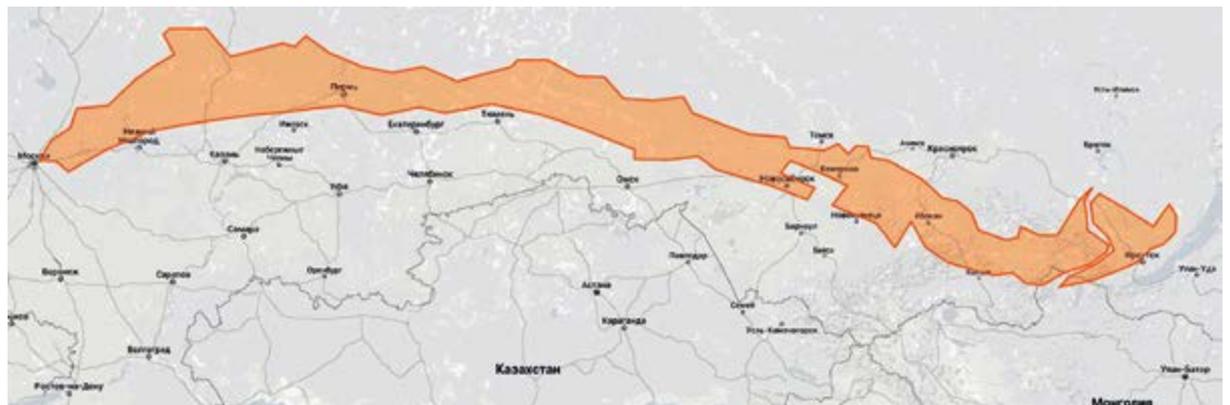
v Рис. 8. Саудовская Аравия планирует построить город в форме линии длиной 170 километров...

Перспективы Ренессанса и не были видами на будущее, скорее, они предъявляли идеальное, которое, начиная с Платона, вне всяких времен. Что уж говорить об эпохах более от нас отдаленных; они совсем не мыслили историческими перспективами, равно как и ретроспективами; их прошлое было архетипическим, их традиции – каноном, их «сказанные вещи» – предельным цивилизационным опытом.

В целом, концепт Будущего заслуживает подробной и развернутой критики (мы начали ее в [13]). Это слишком значимая [квази] категория, оказавшая решающее влияние на эволюцию общекультурной, проектной, дизайнерской и архитектурной мысли XX столетия. Для темы статьи важно, что идея Будущего способна появиться лишь в такой парадигме истории или эволюции, которая выстраивается строго линейным образом. Достаточно сказать, что идея Будущего не может возникнуть в циклической или спиральной модели исторического процесса: там она теряет не только привлекательность, но и всякий смысл.

Привлекательность же, заманчивость, влекущая нераскрытость фантазма Будущего – главные его «козыри». Однако это привлекательность приманки, привязанной перед носом осла, идущего по дороге; манящая даль горизонта, всякий раз ускользающего от нашего присутствия. Концепт Будущего приучает видеть «дальнорорку»

> Рис. 9. Контур Чили, наложенный на Транс-Сиб. Плотность освоения пространства не всегда напрямую зависит от протяженности

< Рис. 10. Фра Карневале. Идеальный город, XV век. «Урбинские ведуты», как и другие ренессансные городские виды в жанре грез, еще не несут никакого визионерства, никакого вменения единственно верного «будущего»; они ближе к утопиям, к неспешному созерцанию предвечного. Хотя перспективы и линейны, в них нет никакой динамики, а бытие и время здесь циклично, «округло», умиротворенно

и не обращать внимание на то, что топчут ноги здесь и теперь; он неявно проводит линию единственного возможного пути (поэтому «будущее» – излюбленный аргумент идеологов всех мастей); он провоцирует рассмотрение всего темпорально неочевидного в качестве значительно большей ценности, чем существующего и очевидного – он учит визионерству [14; 15]. Чего может стоить профессии визионерство, со всем блеском продемонстрировал XX век. Сегодня методологическая рефлексия вполне позволяет признать визионерство паразитической конструкцией, извратившей весь смысл того, что мы привычно называем проектированием, и «<...> первым очевидным сегодня направлением проблематизации концепта Будущего можно считать констатацию несостоятельности его линейного, векторного паттерна» [13, с. 246].

«Современность» – фикция линейного представления времени

Идея «современности», то есть острое переживание текущего момента как чего-то проблемного и требующего немедленных действий также есть идея относительно молодая. Появляясь в эпоху, когда концентрация внимания (интенциональности) на текущем моменте истории обретает инструментальность, эта идея взрывообразно мутирует в новую темпоральную идеологию, в идеологию Модерна (в философской исторической масштабности), модерна и модернизма (в масштабности стилистических выражений). Независимо от того, что концентрируется в точке сборки времен, в «современности» – прошлое (как было с Ренессанса до начала XX в.) или будущее, то, что концентрируется – всегда препарат, всегда концепт, назначенный для применения в заданных контекстах (что сегодня часто забывают, полагая, будто имеют дело с подлинной и синхронной исторической фактурой). При изучении архитектуры, искусства, проектности СССР 1920–1930-х, Италии 1930-х, США 1950-х и др. указанный темпоральный люфт становится просто вопиющим. Эта заведомая инструментальность – нарочитость, тенденциозность, а нередко и болезненная претенциозность – надолго отравили наше темпоральное и всякое иное воображение. Именно они ответственны за темпоральную неадекватность современного (!) проектирова-

ния и архитектуры, то есть за устойчивую склонность относить свои идеи к невнятным временным горизонтам, и уж точно не к настоящему.

«Современность» – это не сегодня, это... вчера и позавчера, в том смысле, что идея безнадежно устарела. И «современность» – это не настоящее (во всех смыслах этого русского слова); это именно искусственный и выморочный концепт, вторичный в отношении гораздо более сильного концепта – «Будущего», столь же искусственного, но сумевшего «прибратать к рукам» любые фантазии о временном «луче» из всегда неудовлетворительного «сейчас», то есть в отношении концепта, сумевшего затмить великое и неотменное Прошлое. Собственно, «современность» – никогда не констатация точки на шкале времен; это всегда требование, вменение, призыв: «Быть современным!» Что значит – быть ориентированным в будущее, там, в будущем, искать себе алиби и восполнение (центральная категория с эпохи Просвещения, по Ж. Деррида). Современность – лишь переходная стадия, пересадочная станция на пути к Будущему, его слабая тень, представляющая интерес лишь как материал для преодоления, как обстоятельство места и времени. Отсюда – вся указанная архаика, в т. ч. и архаичность сформированного в такой идеологии проектирования. Это наша стигма, родимое пятно нашей плохо очищенной рефлексии, нашей недоосмысленной проектности. Поэтому начинать разбираться с «современностью» надо оттуда, из «Будущего», уже... прошедшего и не наступившего, но и не имевшего шансы наступить (разве что в смысле наступить нам на пятки, в кастандийском смысле «накатывающей силы», догоняющих нас наших же недодуманных в прошлом идей).

Поэтому, оставаясь в границах «современности» и «будущего» как концептов на линии, как ускользающих полустанков на дороге, приходится говорить вовсе не о переживании текущего момента истории, не мнениях о том, что ныне актуально, а что нет. Все такие и подобные соображения – атрибуты эры модернистского воображения времени, лишившие нас глубины и полноты переживаний собственной жизни и ее сопричастности историческому длению. Ч. Мур гениально сказал в свое время: «Будущее у нас уже было. Им были 50-е годы».

^ Рис. 12. Сиэтл. Музей Музыки (Experience Music Project, ныне Музей поп-культуры). Архитектор Фрэнк Гери, 2000

> Рис. 11. Луиджи Руссолю. Динамизм автомобиля, 1913. Сколько бы футуристы ни стремились выразить simultaneity движения, на плоскости картины она неизбежно превращается в линейную последовательность состояний

Повторим: и «будущее», и «современность» – это концептуальная, интенциональная и чувственная архаика, очень агрессивно вмененная в годы оные нашему сознанию и воображению. Пор избавляться от этого морока. Пора заняться Настоящим.

Неудовлетворительность линейного

Все вытянутое в линию теряет «пневматологический» смысл и мерность, теряет «воздух», схлопывается, уплотняется. И всякий раз стоит задаваться вопросом: кому это выгодно?

Для проектного воображения и действия линейные модели вообще неспецифичны: происходящее там происходит simultaneity (одновременно). Simultaneity, но никак не successivity (последовательное, поступательное) способно характеризовать сегодня проектирование. Все линейные схемы (поточные и т. п., в т. ч. блок-схемы) сегодня не конститутивны для описания и моделирования проектирования, проектного мышления; все значимые схемы методологии проектирования simultaneity (схема шага развития, схема прототипа и его распада, а также предложенная нами схема объекта проектирования [16]).

Именно simultaneity, а вовсе не successivity составляло самую суть восприятия архитектуры в период

до торжества лингвистической культуры [17]. Только с «революцией Гутенберга» начинается выдавливание из общественного перцептивного опыта и дискурса способности воспринимать архитектуру как temporally целостное чувство, собирающее времена, а не расписывающего впечатления по лживой линейке последовательных впечатлений, вменяемой лингвистическим письмом [18]. Случившаяся в Новое время перцептивная катастрофа – слишком значимое и масштабное явление, чтобы описать его в небольшой статье, но ее необходимо указать в числе многочисленных и невозполнимых жертв, отданных человечеством во имя молоха Линии – «простоты», которая гораздо хуже всякого воровства.

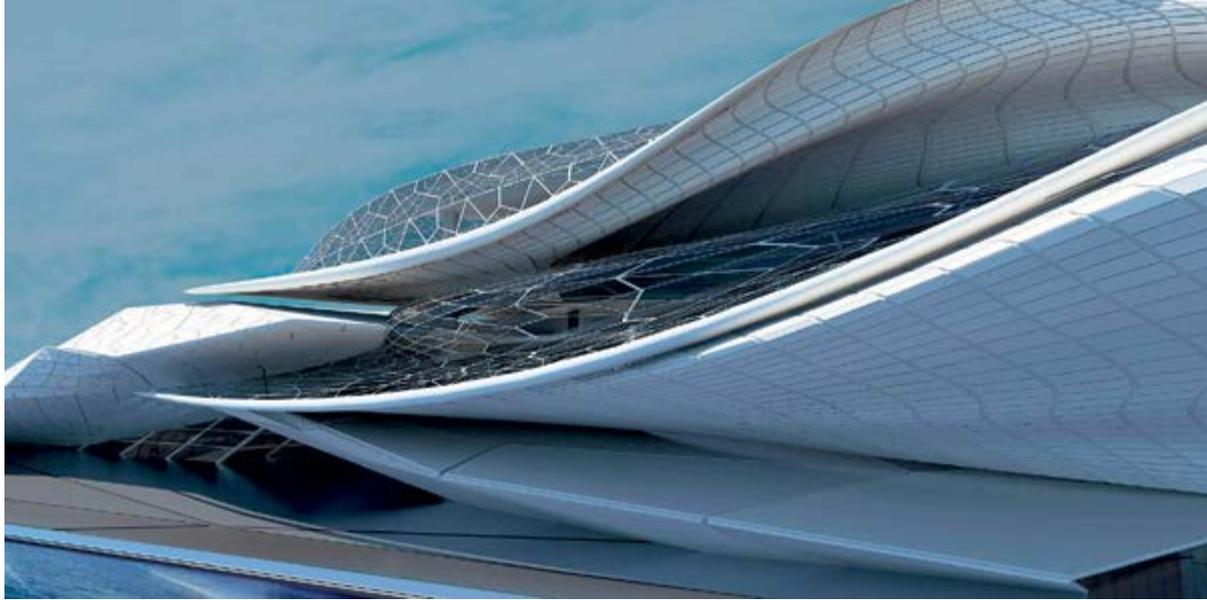
С точки зрения постструктуралистских представлений, simultaneity – типический пример так называемой «складки» [19]. Линия как таковая становится неинтересна, важны ее изгибы (флексии), заломы и завихрения. Такова интенция так называемого постнеклассического этапа эволюции знания, на который, как известно, бурно отреагировала архитектурская мысль [20]. И это не сугубо эстетический интерес (хотя, разумеется, и не обошлось без него), это новая онтология: мыслить мир как нечто линейное и логичное теперь становится неприлично.

Относительность присутствия и бытие вне времени

Однако и на предыдущем этапе генезиса знания, то есть на так называемом неклассическом этапе, можно, как ни странно, найти резонансы с весьма актуальными мотивами. У А. Эйнштейна есть пример: для присутствующих в вагоне движущегося поезда свет зажигалки от центра вагона дойдет одновременно до его концов, а для смотрящего с перрона – по-разному. Пример вполне в духе релятивистской эстетики, но ведь в нем нетрудно увидеть и иное: одновременность актуальна в присутствии, и она утрачивается во внешнем описательном, отчужденном взгляде. И уже отсюда можно вывести весь интерес к феноменологии, к присутствию, к подлинности как новым, реалистичным измерениям проектного. Увы, такие выводы все еще... маргинальны в отношении мейнстрима профессии (то есть магистрального пути, как всегда, избирающего колею), способного,

в Рис. 13. Сиэтл. Музей Музыки. Архитектор Фрэнк Гери, 2000. Форсированная нелинейность в архитектуре со времен экспрессионизма хорошо выражает эмоциональное состояние автора, но плохо – онтологические сущности: архитектурное сообщение «Мир – таков!» легко отзеркаливается контекстом и повседневным восприятием

< Рис. 14. Аргентина, Буэнос-Айрес. Музей современного искусства (МАСВА), 2012. Имитация сложностей и противоречий – дело затратное, но вряд ли тем самым можно приблизиться к подлинной сложности мира. С позиций известной работы Р. Вентури, перед нами скорее нарочитое упрощение и уплощение: архитектурский вкус вновь «выкинул коленце»!

как оказалось, и за пышным «барокко» нелинейных форм держаться вполне кондовой и привычной линейной логики (рис. 12–16). Таким образом, дело не в новомодных концептах, пришедших из науки, а в степени доверия к имманентному архитектурному чувству, созидательной интуиции, проектному воображению. Это, а не привходящие импульсы естественнонаучных абстракций, калейдоскопически сменяющие друг друга в наши дни, – подлинные измерения архитектурной деятельности.

Вероятно, указанные измерения по своему происхождению принадлежат действительности, стоящей по ту сторону времени. Их хотел ухватить светлой памяти Кристофер Александер, умерший в этом марте. Он едва ли не первым заговорил о вневременном в архитектуре, что гораздо круче банальной «вечности» [21]. Way, о котором писал Александер, с очевидностью не укладывается в линию хотя бы уже потому, что проследить его протяженность по перипетиям архитектурной истории не представляется возможным.

«На линии...»

Архитектурное воображение отдало линии много сил, энергий и надежд. Архитектура, в своем генезисе немислимая без прямой линии, все же возжелала от линии освободиться, по крайней мере как от предельной фигуры. Освобождение, как обычно с ним бывает, не обошлось без эксцессов и без выплескивания с мутными водами «ребенка» – самого смысла архитектурного действия, связанного не столько с геометрией, типами логик, онтологиями, модными или уже немодными, но с повседневной мерностью человеческого бытия, с его (увы, небольшой) протяженностью и с его «проклятой судьбой», всякий раз оборачивающейся фатально жесткой колеей...

В пространствах, равнодушных к повседневности, в трансцендентальных к ней измерениях мысли – теория исторических процессов, моделирование развития и управление им *et cetera* – линейные модели не выдержали вызовов, к ним обращенных. Является ли это обстоятельство причиной отказа архитекторов от линии, чем бы она ни обернулась? Думается, нет. Разумеется, натуралистически мыслящие архитекторы, подобно Питеру

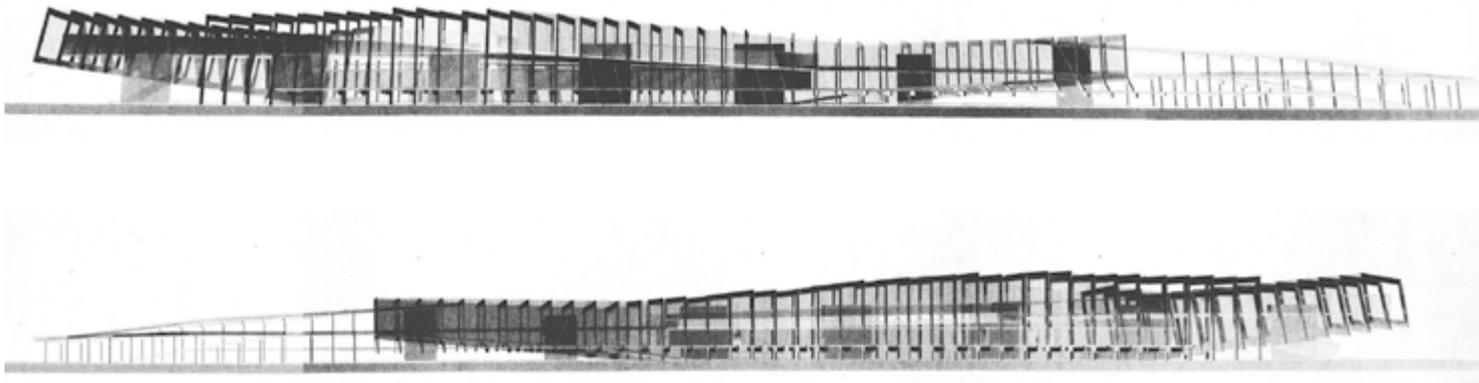
Эйзенману, ответили бы на вопрос иначе: они предпочли бы признанию вневременной сущности Архитектуры очередной виток формалистических имитаций под фривольно понятые метафоры все новых и новых парадигм науки. Но мы предлагаем точно различать и более не смешивать эксцессы формообразования в архитектуре и процессы постижения ее смыслов и значений, образов и мировоззренческих корней. Тем более, когда архитектура оказывается втянута в превосходящие ее по масштабу процессы исторических трансформаций, к каким относится процесс социального и культурного развития.

Примечание

Театр Маммерс был снесен в 2014 году после долгих дискуссий о необходимости его сохранения как памятника архитектуры [22]. Столь необычные постройки действительно достойны сохранения; должны же быть памятники и такого рода. Архитектура XX века успела отметить в самых различных и неожиданных областях мысли, чувства и духа; вряд ли такое повторится. Необходимо сохранять такие постройки уже как реперы падения Архитектуры, как всегда, изящные и... «выразительные» (тезис о «выразительности» требует специального и детального разбора).

Литература

1. Фихте, И. Г. Факты сознания // Фихте, И. Г. Сочинения в двух томах. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1993. – С. 619–769
2. Щедровицкий, Г. П. Проблемы методологии системного исследования // Щедровицкий, Г. П. Избранные труды. Москва: Школа Культурной политики, 1995. – С. 155–196
3. Щедровицкий, Г. П. Путеводитель по методологии организации, руководства и управления. – URL: <https://goaravetisyan.ru/georgii-petrovich-shchedrovickii-putevoditel-po-metodologii-organizacii/> (дата обращения: 25.04.2022)
4. Меерович, М. Г. «Генетики» и «телеологи» – дискуссия о районировании СССР // Архитектон: известия вузов. – 2012. Декабрь, № 4 (40). – URL: http://archvuz.ru/2012_4/8/ (дата обращения: 25.04.2022)
5. Fuller, R. B. Guinea Pig B. – URL: <https://archive.org/details/GuineaPigBFuller20100209132832Cору> (дата обращения: 25.04.2022)
6. Капустин, П. В. Масштаб и проектирование: от мерности к смыслу // Архитектурные исследования: научный журнал. – 2016. – № 3 (7). – С. 33–41

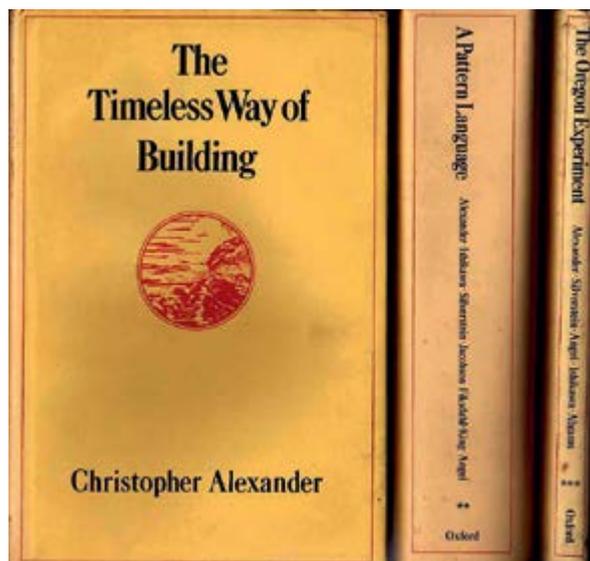

^ v Рис. 15; 16. Иокогама, Япония. Терминал морского порта, 2002. Архитектура, какие бы линии она ни использует, только выигрывает, когда обращается от пустых манифестаций к подлинной сложности существования человека в пространстве

7. Александров, А. И. Нереализованные архитектурные проекты: проблема неиспользуемого потенциала: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. – Екатеринбург: УралГАХА, 2006. – 26 с.
8. Копылов, Г. Г. Пространственные представления в СМД-методологии: постановка проблемы и анализа карты как инструмента «охватывания» пространства // Вопросы методологии. – 1992. – № 1–2. – URL: <https://fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1992/1-2/v921ko.p0.html> (дата обращения: 25.04.2022)
9. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/feyer/nauka.php (дата обращения: 25.04.2022)
10. Капустин, П. В. Век тотальной редукции // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 32–39
11. Левинтов, А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. – 1991. – № 3. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html> (дата обращения: 25.04.2022)
12. Капустин, П. В. Запад – Восток: воображение линии // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 66–70

13. Капустин, П. В. Кризис темпорального воображения и новые возможности теории архитектуры // Теория и история архитектуры. – Вып. 1: XI Иконниковские чтения: материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И. А. Добрицына; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва; Санкт-Петербург: Коло, 2020. – С. 238–250. – URL: http://www.sectioaureaseries.org/uploads/releases_PDF/001/ТИА1_Капустин.pdf (дата обращения: 25.04.2022)
14. Боков, А. В. Параллельная архитектура оттепели и застоя. Визионеры // Проект Байкал. – 2022. – № 71. – С. 58–69
15. Капустин, П. В. О месте визионерства в эволюции архитектурного проектирования // Архитектурное интерпространство XXI века: опыт, проблемы, перспективы: материалы междунар. научно.-метод. конф. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГАСУ, 2013. – С. 47–50
16. Капустин, П. В. Проектное мышление и архитектурное сознание: Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 252 p.
17. Капустин, П. В. Теория архитектуры: от проблем понимания к идеям организации // Архитектура и строительство России. – 2019. – № 4 (232). – С. 22–27
18. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр, 2003. – 432 с.
19. Делез, Ж. Складка. Лейбниц и барокко. – Москва: Логос, 1997. – 264 с.
20. Добрицына, И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – Москва: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
21. Alexander, C. The Timeless Way of Building. – Oxford Un. Pr., 1979. – 551 p.
22. Preserve Stage Center. – URL: <https://www.change.org/p/oklahoma-city-downtown-design-review-committee-preserve-stage-center> (дата обращения: 25.04.2022)
23. Щедровицкий, Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). – Москва: Стройиздат, 1975. – С. 72–161. – URL: <https://www.fondgp.ru/publications/исходные-представления-и-категориал/> (дата обращения: 25.04.2022)
24. Тарабарина, Ю. Что такое был НЭР? // Архиру. – URL: <https://archi.ru/russia/82147/chto-takoe-byt-ner> (дата обращения: 25.04.2022)

^ Рис. 17. Книги Кристофера Александра, разглядевшего в повседневности бесконечно высокую сложность, несводимую к линейным иерархическим схемам, всегда свойственным идеям «рациональным», «логичным» и «выразительным»

^ Рис. 18. Отаниеми, Финляндия. «Econo-House». Архитектура «антропософская», «вальдорфская», имеющая с архитектурой дигитальных манифестаций общие экспрессионистские корни, практикует свой вид нелинейности – экологически ориентированный, открытый характеру ландшафта, человеческому масштабу, памяти места и рукотворности вещей

References

Aleksandrov, A. I. (2006). Nerealizovannye arkhitekturnye proekty: problema neispolzuemogo potentsiala [Unrealized architectural projects: The problem of unused potential] [Ph. D. in Architecture Dissertation Thesis]. Yekaterinburg: Ural State Academy of Arts.

Alexander, C. (1979). The Timeless Way of Building. Oxford Un. Pr.

Bokov, A. (2022). Parallel architecture of thaw and stagnation. Visionaries. Project Baikal, 18(71), 58-69.

Deleuze, G. (1997). The Fold: Leibniz and the Baroque. Moscow: Logos.

Dobritsyna, I. A. (2004). From postmodernism to nonlinear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science. Moscow: Progress-Tradition.

Feyerabend, P. (n.d.). Science in a free society. Retrieved April 25, 2022, from https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/feyer/nauka.php (accessed 25.04.2022)

Fichte, J. G. (1993). Facts of Consciousness (Vol. 2, pp. 619-769). St. Petersburg: Mifril.

Fuller, R. B. (n.d.). Guinea Pig B. Retrieved April 25, 2022, from <https://archive.org/details/GuineaPigBFuller20100209132832Copy>

Kapustin, P. V. (2012). Proektnoe myshlenie i arkhitekturnoe soznanie: Kriticheskoe vvedenie v ontologiyu i fenomenologiyu arkhitekturnogo proektirovaniya [Design Thinking and Architectural Consciousness: Critical Introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Design]. Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing.

Kapustin, P. (2013). About place of visionarism in the evolution of architectural designing. Architectural interspace of the XXI century: Experience, problems and prospects: Proceedings of international scientific-methodical conference (pp. 47-50). Saint Petersburg: SPbGASU.

Kapustin, P. V. (2016). Masshtab i proektirovanie: ot mernosti k smyslu [The scale and design: From dimensionality to the meaning]. Arkhitekturnye issledovaniya, 3(7), 33-41.

Kapustin, P. (2017). West East: Imagining the line. Project Baikal, 14(54), 66-70. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1251>

Kapustin, P. (2019a). A century of total reduction. Project Baikal, 16(59), 32-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1428>

Kapustin, P. V. (2019b). Theory of architecture: from problems of understanding organization ideas. Architecture and Construction of Russia, 4(232), 22-27.

Kapustin, P. V. (2020). Crisis of temporal imagination and new possibilities of architectural theory. Theory and History of Architecture. Vol. 1:

XI Ikonnikov Readings: Proceedings of the scientific conference (I. A. Dobritsyna, Ed.) (pp. 238-250). Branch of Research Institute for Theory and History of Architecture and Urban Planning. Moscow; St. Petersburg: Kolo. Retrieved April 25, 2022, from http://www.sectioau-reaseries.org/uploads/releases_PDF/001/TIA1_Kanustin.pdf

Kopylov, G. G. (1992). Prostranstvennye predstavleniya v SMD-metodologii: postanovka problemy i analiza karty kak instrumenta "okhvatyvaniya" prostranstva [Spatial representations in SMD-methodology: statement of the problem and analysis of the map as a tool for "covering" the space] Voprosy metodologii, 1-2. Retrieved April 25, 2022, from <https://fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1992/1-2/v921kop0.html>

Levintov, A. E. (1991). Ot raiona k regionu: na puti k khozyaistvennoi geografii [From district to region: on the way to economic geography]. Voprosy metodologii, 3. Retrieved April 25, 2022, from <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html>

McLuhan, M. (2003). The Gutenberg Galaxy: The making of typographic man. Kyiv: Nika Center.

Meerovich, M. G. (2012, December). "Geneticists" and "teleologists": Discussion concerning the zoning of the USSR. Architecton: Proceedings of Higher Education, 4(40). Retrieved April 25, 2022, from http://archvuz.ru/2012_4/8/

Preserve Stage Center (n.d.). Retrieved April 25, 2022, from <https://www.change.org/p/oklahoma-city-downtown-design-review-committee-preserve-stage-center>

Shchedrovitsky, G. P. (1975). Iskhodnye predstavleniya i kategorialnye sredstva teorii deyatelnosti [Initial ideas and categorical means of the Activity Theory]. In The development and implementation of computer-aided systems in designing (theory and methodology) (pp. 72-161). Moscow: Stroyizdat. Retrieved April 25, 2022, from <https://www.fondgp.ru/publications/исходные-представления-и-категориал/>

Shchedrovitsky, G. P. (1995). Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya [Problems of System Research Methodology]. In Shchedrovitsky, G. P. Selected Works (pp. 155-196). Moscow: Shkola kulturnoi politiki.

Shchedrovitsky, G. P. (2021). Putivoditel po metodologii organizatsii, rukovodstva i ipravleniya [Guide to the methodology of organization, leadership and management. Retrieved April 25, 2022, from <https://goaravetisy.ru/georgii-petrovich-shchedrovickii-putevoditel-po-metodologii-organizatsii/>

Tarabarina, Yu. (2009, January 9). What was the NER? Archiru. Retrieved April 25, 2022, from <https://archi.ru/russia/82147/chto-takoe-byl-ner>